

Развитие аксиологии культурных ценностей

На изменяющуюся в эпоху модернизма установку по отношению к реликтам прошлого чуть ли ни первым обратил внимание австрийский теоретик искусства, историк, юрист и философ Алоиз Ригль (1858-1905)¹²³. Он провел системный анализ ценностей наследия, результаты его изложил в 1903 г. в своей книге «Модернистский культ памятников, его характер и истоки» (*Der moderne Denkmalkultus, sein Wesen, seine Entstehung*). К сожалению, считающееся до сих пор непревзойденной классикой произведение А. Ригля было вновь открыто, переведено на другие языки и по достоинству оценено в международном масштабе лишь в начале 90-х гг. XX в.¹²⁴

Сегодня исследование А. Ригля считается первым антропологическим анализом наследия¹²⁵. Анализируя истоки этого, по его словам, «модернистского культа памятников», он предложил различать интенциональный памятник (*gewollte Denkmal*) и неинтенциональный исторический памятник (*ungewollte Denkmal*), появление которого он связывал с Италией XVI в. Он также впервые охарактеризовал памятники обоих типов, опираясь на две аксиологические категории. Ценности одной, «мемориальной интенции» (*Erinnerungswert*) связаны с прошлым и опираются на историческую память, ценности другой – «настоящего» (*Gegenwartswerte*) возникают из насущных потребностей¹²⁶. Эта концепция позволяет сформировать дуальную структуру ценностей истории и истории искусства, с одной стороны, и художественных и утилитарных ценностей – с другой.

Как видим, А. Ригль не считал художественную ценность памятника единственным критерием его качества, задавая вопрос: не является ли он исторически подчиненным западной иерархии ценностей, т.е. относительным? Заложив таким образом основу современной аксиологии наследия, он тем самым предотвратил возможность субъективного истолкования понятия красоты¹²⁷.

Однако А. Ригль этим не ограничился. Он предложил тройное определение не самого памятника, но его значимости или, точнее, установления ценности. Памятник может стать источником поддержания исторической (документальной) или художественно-исторической ценности (*historisches или kunsthistorisches Wert*). Вместе с тем в ряд ценностей мемориальной интенции он помещает ценность древности или возраста (*Alterswert*), – и в этом его новаторство. К этой ценности, по его словам, стали обращаться только во второй половине XIX в. «Древность» или те знаки, которые время оставило на памятнике, непосредственно доступны чувствам, вызывают эмоциональное переживание, не зависящее от уровня исторических знаний зрителя, и тем самым пробуждают историческую память. Этим она, кстати, и отличается от исторической ценности, которую чаще всего устанавливают специалисты¹²⁸.

Вторая категория ценностей – ценности «настоящего» тоже анализируются системно и тонко. Современные ценности формируются чувствами и духовными потребностями. Рядом с художественной ценностью А. Ригль поставил утилитарную, связанную с практическим использованием памятников. По его мнению, утилитарная ценность принадлежит всем памятникам – как выполняющим мемориальную роль, так и сохраняющим старые или получающим новые функции (включая и музеографические). Утилитарная ценность позволяет отличать памятник от археологических реликтов, имеющих только историческую (документальную) ценность, и от развалин, значительность которых обусловлена их древностью. Поэтому, по его словам, объекты, используемые для утилитарных целей, могут быть восстановлены.

¹²³ Подробнее о А. Ригле см.: Jukka Jokilehto, A History of Architectural Conservation..., p. 215-219.

¹²⁴ После его публикации на английском языке см.: A. Riegl, The Modern Cult of Monuments: Its Character and Its Origin, *Oppositions* 25 (Fall 1982), p. 21-51.

¹²⁵ Daniel Fabre, *Ancienneté, altérité, autochtonie, Domestiquer l'histoire...*, p. 201.

¹²⁶ Alois Riegl, *The Modern Cult of Monuments...*, p. 21-51.

¹²⁷ Sylviane Agacinski, *Volume. Philosophies et politiques de l'architecture*. Paris, Galilée, 1992, p. 217-250.

¹²⁸ Однако современные технологии позволяют без труда имитировать или фальсифицировать древность, «состаривая» новые вещи, например мебель, если только есть на это спрос.

Художественную ценность А. Ригль разделил на две части: 1) «относительную» и 2) ценность новизны (*Neuheitswert*), т.е. соответствующую современным критериям искусства. А. Ригль справедливо отметил, что все новое психологически воспринимается более красивым и ценным, чем старое¹²⁹.

Произведение искусства должно быть компактным, иметь художественную однородность, чтобы быть осознанным как таковое. Однако его оценка всегда необъективна. Если реликт признается как художественная ценность, его стараются очистить от более поздних наслоений, т.е. переработать. Потому ориентироваться только на художественную ценность было бы неверно. Кстати, А. Ригль не делал различия между художественной и эстетической ценностью (по его мнению, художественная ценность сводится к мастерству исполнения). Он первым сформулировал теорию о том, что искусство мы осознаем относительно, и был весьма терпим ко всем эпохам и художественным стилям.

Типология ценностей А. Ригля – хронологическая и кумулятивная. Это значит, что каждая наиболее поздняя ценность присоединяется к наиболее ранней. Например, интенциональное мемориальное понятие памятника господствовало в античные времена и средневековье. Интенционный памятник был предназначен для сохранения памяти о его строителе, заказчике или о важных исторических событиях (см. выше). В эпоху Ренессанса уже появляются зачатки понимания исторической ценности памятников, появляется идея, что мы можем судить о ценности этих памятников независимо от намерений их создателей, однако ее созреванию поможет только XIX в. – век *истории* (кстати, Ригль считает исторический интерес к памятникам специфически германским). Исторические памятники становятся нужными как средство для усвоения следов прошлого: чтобы мы сделали его своим и подлежащим запоминанию. Однако познание прошлого позволяет осознать его и как процесс, и как развитие. В этом смысле памятник воспринимается в эволюционной перспективе как момент и реликт определенного процесса, что нам и выявляет ценность древности, позволяющая зримо отличить старое от нового.

Система ценностей памятников у А. Ригля

Основа оценки	Мемориальные (ценности прошлого)	Ценности настоящего
Интенция памятника	Обязательна (интенциональный памятник) и необязательна (неинтенциональный, исторический памятник)	Необязательна
Типы ценностей	Мемориальная (интенциональная); историческая (с XV в.); художественная (с XV в.); историко-художественная (с XIX в.) возраста или древности (с XX в.)	Относительно художественная; утилитарная (назначения); новизны
Мотив сохранения	Претензии на бессмертие; национально-патриотические интересы; интерес узнать прошлое человечества	Интересы практического применения и использования памятников; интерес сохранения единства стиля
Доступность	Всем, кроме исторической ценности, которую идентифицируют профессионалы	Всем (непосредственно)

Анализ А. Ригля раскрыл противоречивое одновременное сосуществование различных ценностей памятника. Логически рассуждая, ценность древности противоречит ценности новизны и угрожает исторической и утилитарной ценностям. Также утилитарная ценность может противоречить относительной художественной и исторической ценностям. Все эти конфликты становятся особенно обостренными не только после выполнения реставрационных работ, но и после придания памятнику нового назначения или включения его в списки охраны памятников. Однако, по мнению А. Ригля, эти конфликты можно разрешать путем компромисса, т.е. рассматривать каждый случай индивидуально, принимая во внимание как состояние памятника, так и его социально-культурный контекст. Следовательно, теория ценностей А. Ригля не догматичная, а, скорее, релятивистская¹³⁰.

¹²⁹ Обратим внимание на то, как интенсивно эффект «новизны» в процессе «упаковки» продуктов и их рекламы использует современный рынок.

¹³⁰ Kurt W. Forster, Monument /Memory and the Mortality of Architecture, *Oppositions* 25 (Fall 1982), p. 2-19.

Различая реликтовые (историческую и древности) и современные (утилитарную, художественную, памятниковую) ценности, австрийский искусствовед выступает представителем метафизического историзма, который признает памятники всех эпох. Он впервые ясно и подробно сформулировал вопрос о смысле и ценности исторического памятника, а также об источниках взглядов общества на это явление. Утверждая, что в обществе все более укореняется ценность древности, он тем самым косвенно затронул процесс секуляризации и своеобразную его альтернативу – модернистский культ памятников.

В отличие от британского искусствоведа Дж. Рескина (1819-1900), пытавшегося обосновать этику охраны памятников¹³¹, А. Ригль рассматривал это явление историко-философски, наблюдая и констатируя определенную смену понятий и предполагая, что в XX в. будет господствовать ценность древности (опять же в отличие от Дж. Рескина, который, наоборот, усматривал в этом времени угрозу для древности). Кому из них удалось точнее предвидеть будущее?

М. Глендиннинг замечает, что пророчество А. Ригля о том, что древность будет доминирующим концептом XX в., не было особенно точным. Вместо этого, наоборот, произошло сильное искажение понятия древности, и только теперь, в XXI в., мы приблизились к его реализации¹³². По его словам, определение ценности возраста было связано с сохранением не древности, а ее естественного распада и временности. Сегодня риторика «сбалансированности» и аналогии с природой используется как аргумент для усиления контроля над охраной наследия, а ведь А. Ригль и утверждал, что неконтролируемые природные процессы приведут к совершенному уничтожению памятников. Культ ценности древности является полной оппозицией охране памятников, так что с точки зрения ценности древности надо заботиться не о вечном сохранении памятников, но, скорее, о постоянном представлении нового цикла творчества, и эта цель осуществится только тогда, когда памятники высшего качества будущего заменят сегодняшние.

Хотя А. Ригль считается родоначальником системной теории охраны наследия¹³³, он не избежал и критики. Его теорию ценностей критиковали уже современники, итальянские специалисты по охране памятников, особенно Г.Г. Дехио (1850-1936), дополнивший ее категорией национальной ценности, которая, по его мнению, должна быть важнейшим стимулом сохранения объектов наследия. Отвечая ему, А. Ригль заметил, что понятием «национальная ценность» нельзя руководствоваться в многонациональных странах, поскольку это потенциальное поле для конфликтов и диссонансов и тут больше подошло бы более общее понятие – «человеческие ценности». По мнению другого критика А. Ригля, К. Холторфа, все памятники могут быть неинтенциональными: хотя они и возводятся с целью кого-то (или что-то) увековечить, все-таки их ценность заново определяется коллективной памятью нового периода¹³⁴.

Каков же дальнейший путь развития аксиологии наследия? Дебаты конца XX в., особенно связанные с изменением взглядов постколониальных и посткоммунистических стран на их прошлое, побуждали к переосмыслению вопроса: что же следует сохранять, а что отвергать? Эти дискуссии имели немалое значение для новых импульсов в определении целей и задач охраны наследия.

И сегодня при анализе ценностей наследия едва ли не самым важным вопросом остается проблема их имманентности. Являются ли они внутренними, т.е. неразрывно связанными с самим объектом, или, наоборот, скорее для него внешними, т.е. определенными постоянно меняющимися потребностями и интересами общества?

Эмпиристы утверждают, что вещи, а также объекты и места культурного наследия, как и их окружение, имеют внутренние ценности, которые и являются источником знаний о прошлом. В академическом мире сегодня эта позиция имеет не много сторонников, однако она гораздо легче достижима в реальной политике наследия. Проблема здесь в том, что подобная точка зрения реально позволяет уничто-

¹³¹ John Ruskin, *The Seven Lamps of the Architecture* (ed. by J. M. Dent and Sons). London, 1956.

¹³² М. Glendinning, *Beyond the Cult of the Monument*, 2001,

http://www.ihbc.org.uk/context_archive/70/beyond_dir/Beyond_s.htm (см. 2006-08-11).

¹³³ Теория А. Ригля оказала влияние на формирование систем охраны наследия в немецкоязычных странах и странах Северной Европы. Больше об этом: J. Jok/-ehto, *A History of Architectural Conservation*. Butterworth Heimann, 1999, p. 217.

¹³⁴ С. J. Holtorf, *Monumental Past*, <https://tspace.library.utoronto.ca/citd/holtorf/in-dex.html> (просмотр 2005 12 14).

жать объект, которому не хватает «фиксированных» ценностей, в то время как никто не может знать, как и что будут оценивать специалисты и общество будущего. Поэтому современная критика позитивизма утверждает, что на восприятие каждого человека явно оказывают влияние такие факторы, как образование и профессиональная компетенция: например, там, где неподготовленный взгляд будет видеть просто раздробленный камень, наметанный глаз археолога сразу заметит рабочий инструмент древнего человека. Более того, археологи с разной профессиональной подготовкой смогут зафиксировать культурные слои разной глубины, поскольку одни лучше, чем другие, оценят культурное значение даже отдельных артефактов. Принимая это во внимание, Джозеф А. Тейнтер и Джон Дж. Лукус выдвигают фундаментальную проблему понимания значения культурного наследия и принимаются за критику доминирующих в практике охраны наследия позитивизма и эмпиризма¹³⁵.

Хотя они не предлагают конкретных методологий ценностей наследия, однако выносят на обсуждение несколько альтернативных способов определения ценности:

- устанавливать не ценности объекта, а его «неценности», прилагая больше усилий для доказательства каждой «неценности» и таким образом уменьшая вероятность, что сегодня с легкой руки будет вычеркнуто то, что окажется ценным завтра;
- производить процедуры планирования, понимая, что критерии установки ценности настоящего могут послужить идентификации некоторых потенциально значимых мест и ценных их особенностей, однако никоим образом не могут стать основанием для удаления места из списка охраняемых объектов;
- следует ли причислять культурные ценности к культурным ресурсам раньше, чем им начинает угрожать какая-нибудь опасность? Поскольку мы не можем точно прогнозировать ценностей будущего, то сегодняшнее представление об объекте как о незначимом (что склонны делать люди, мало знакомые с историей науки) может означать приговор объекту или местности к запустению или уничтожению. С другой стороны, слишком ранние усилия по оценке могут также иметь негативные последствия для места или объекта;
- нужно ли применять только сегодняшние критерии значимости, если обнаруживаются находки и существует теоретическая возможность обойти артефакты, не касаясь их? Если объект или место сегодня могут быть признаны значимыми, должны ли мы обсуждать возможность его значимости в будущем, рассчитывая относительные издержки охраны и перепланировки проекта?¹³⁶

Внося свой вклад в обсуждение проблемы имманентности ценностей, Уильям Д. Лайп придерживается умеренного взгляда. Он также утверждает, что индивиды или группы воспринимают ценности наследия, опираясь на свои культурные, интеллектуальные, исторические и психологические навыки. Конечно, это отнюдь не означает, что можно не обращать внимания на происхождение потенциального культурного ресурса, его специфические особенности или аутентичность. Скорее, для определения ценности только их недостаточно¹³⁷. Признавая, что никакой объект не сохраняет своей первоначальной ценности, У.Д. Лайп утверждает, что после получения им новых функций и соответствующих им ценностей особенно важно сохранить связь с первичным контекстом.

Однозначно называя культурное наследие ресурсом, автор выделяет из него общие ценности: *ассоциативную/символическую, информационную, эстетическую и экономическую* и анализирует возможности их идентификации на различных уровнях – бюрократическом, общественном, академическом. Например, когда речь идет об информационной ценности, раскрывается сложность проблемы, которая возникает при стремлении сохранить информационную ценность для будущих поколений, поскольку невозможно предугадать направления достижений и интересов науки будущего. Из-за того что информационная ценность очень зависит от интеллектуального контекста и является разнообразной и изменчивой, можно оказаться в ситуации,

¹³⁵ Joseph A. Tainter, John G. Lucas, *Epistemology of the Significance Concept, Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies* (ed. by L. Smith). London, Routledge, 2007, vol. 1, p. 310.

¹³⁶ Joseph A. Tainter, John C. Lucas, *Epistemology of the Significance Concept*., p. 322-323.

¹³⁷ William D. Lipe, *Value and Meaning in Cultural Resources, Cultural Heritage. Critical Concepts in Media and Cultural Studies* (ed. by L. Smith). London, Routledge, 2007, vol. 1, p. 288.

когда хочется «сохранить все» (ср. с отмеченным французским теоретиком наследия Р. Дебрэ «комплексом Ноя»¹³⁸, свойственным современным развитым обществам), а это не только стирает любые ощутимые критерии «ценности», но и часто вызывает враждебную реакцию общества или власти¹³⁹.

В то же время автор представляет эстетическую ценность как комплексную и зависящую от множества вещей: традиционных стандартов стиля и красоты, критических работ историков искусства, концепций, определяющих стандарты эстетической культуры, в которой было создано оцениваемое произведение, а также стандартов, диктуемых современным рынком этого культурного ресурса. Однако больше всего предпринимались попытки выявить динамику такой ценности во взаимодействии с другими. Замечено, что эстетическая ценность вследствие ее способности вызывать заинтересованность и очаровывать может быть связанной с ассоциативно-символической ценностью и ее усиливать. Хотя эстетическую ценность объект может получить и без ассоциативных связей, однако в этом случае часто оказывается, что он используется иначе, что противоречит его первоначальной функции (например, не используемая по назначению церковь превращается в ночной клуб). Уильям Д. Лайп предлагает в таком случае настойчиво искать и экспонировать связи объекта с его первичным назначением и значением в прошлом¹⁴⁰. Необходимо отметить, что «чисто» природные местности тоже могут иметь историческое и социальное значение через ассоциации с личностями и событиями, кроме того, в большинстве природных мест находятся и объекты культурного наследия.

В свою очередь эстетическая ценность, связанная с экономической, также может перекрыть путь двум другим – ассоциативной/символической и информационной. Наиболее ярко это проявляется в сфере археологии. Экономическая ценность, по мнению автора, может иметь несколько типов. Первый из них – утилитарная ценность, когда объект удовлетворяет сегодняшние потребности, например дает «крышу над головой». Второй – две фундаментальные – ассоциативная/символическая и эстетическая ценности также могут быть «пересчитаны» в экономическую ценность, если они «пускаются в оборот». Ценность тем больше, чем больше пользователь готов заплатить, чтобы посетить объект или инвестировать в него, таким образом сохраняя его ценностные свойства. Взаимодействие символической/ассоциативной и эстетической ценностей, с одной стороны, и экономической – с другой, особенно ярко проявляется в культурном туризме. К тому же на рынке движимых культурных ценностей и аукционах они поднимают цены до небывалых высот, а исторические здания и местности становятся желанным местом для учреждения бизнеса. В этих случаях как утилитарная, так и более абстрактные ценности культурного ресурса взаимодействуют, создавая экономическую ценность объекта; иногда все это явление поощряется благосклонной к охране наследия налоговой политикой. Информационная ценность, хотя и не часто, прямо пересчитывается на рыночную стоимость, однако, по мнению автора, также может находиться под воздействием решений, принимаемых по экономическим соображениям¹⁴¹.

Еще труднее нащупать и найти равновесие между экономической и ассоциативной/символической ценностями, потому что приспособление к потребностям дня может сильно отличаться от контекста прошлого. Поэтому есть риск порвать ассоциативные связи с прошлым, вследствие которых объект и воспринимался как культурный, а не только как экономический ресурс. Автор соглашается, что любое сегодняшнее утилитарное приспособление в большем или меньшем масштабе будет отличаться от контекста, в котором объект создавался и использовался. Однако реальной задачей планировщиков и охранников наследия на практике должно бы стать стремление договориться насчет степени изменений, которые будут уменьшать или увеличивать ассоциативные и эстетические ценности объекта, а также установить грань, до которой эти изменения остаются экономически целесообразными¹⁴².

¹³⁸ Régis Debray, *Trace, forme ou message? La confusion des monuments...*, p. 29.

¹³⁹ William D. Lipe, *Value and Meaning in Cultural Resources...*, p. 297.

¹⁴⁰ William D. Lipe, *Value and Meaning in Cultural Resources...*, p. 299.

¹⁴¹ *Ibid.*, p. 301.

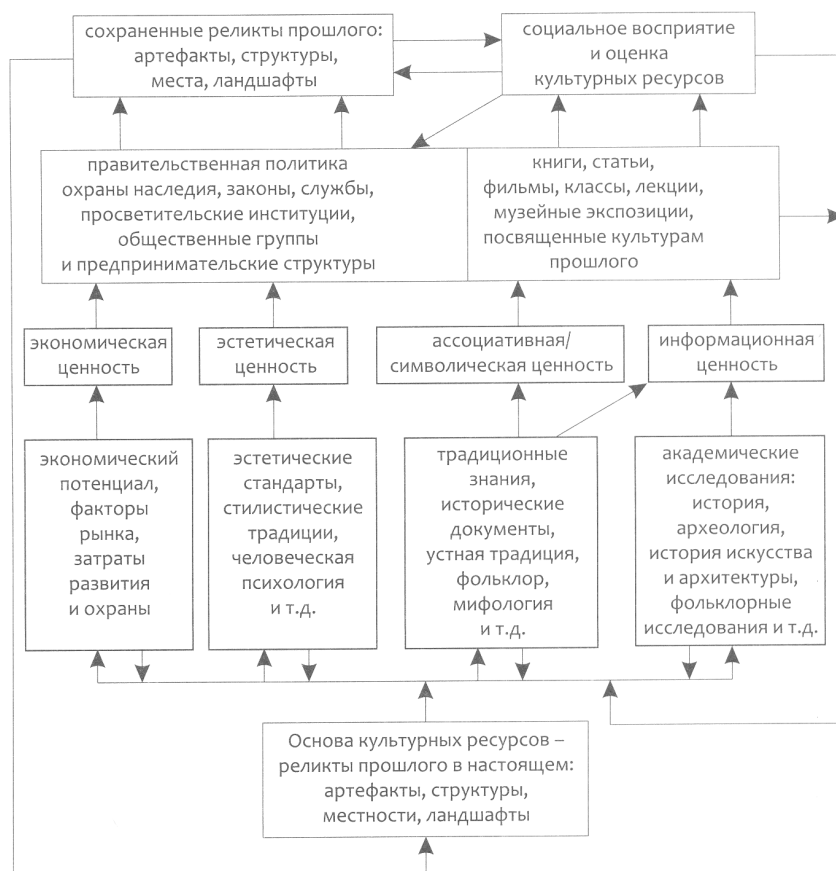
¹⁴² William D. Lipe, *Value and Meaning in Cultural Resources...*, p. 300.

Уже упоминалось, что превалирование экономической ценности над иными может полностью уничтожить информационную и ассоциативную/символическую ценности. Кроме того, при создании новых и, особенно, фальсификации ассоциаций, предназначенных для увеличения экономической ценности ресурсов наследия, может ослабеть или даже утратиться общественное доверие к настоящим ценностям объекта наследия. Например, интенсивное развитие туризма чаще всего имеет непредсказуемые, нередко негативные последствия для местных обществ и неэкономических ценностей культурных ресурсов. То, что финансирование исследований наследия в основном осуществляется государством и редко частным бизнесом, также показывает, что информационная и экономическая ценности уживаются труднее всего. Конечно, превентивная и спасательная археология или фиксация сооружений помогают сохранить информацию, даже когда объекты во имя экономических целей приговариваются к гибели или переработке¹⁴³.

Во многих странах также принимаются законы, поощряющие одинаковую трактовку как экономических, так и неэкономических ценностей, касающихся землевладения и культурных ресурсов. В свою очередь экономическая ценность может стать индикатором отношения общества к материальным реликтам прошлого и инструментом охраны наследия, однако не единственным. Ответственное управление культурными ресурсами предназначено контролировать создаваемые рынком угрозы сохранению ценностей. Должны быть обеспечены возможности вмешательства в эту сферу государства, филантропов и заинтересованных общественных групп. Миссия пропагандистов наследия – убедить общество, что ассоциативная, эстетическая и информационная ценности являются важнейшими и их надо сохранять даже при отсутствии прямой финансовой выгоды¹⁴⁴.

Взаимодействие ценностей культурных ресурсов отражает схема:

Взаимодействие ценностей культурных ресурсов¹⁴⁵

¹⁴³ Ibid., p. 301.

¹⁴⁴ Ibid., p. 305.

¹⁴⁵ William D. Lipe, *Value and Meaning in Cultural Resources...*, p. 289.

В подобном направлении развивает свою типологию ценностей и Ж.-М. Ленё. По его мнению, существуют три главные ценности объекта наследия¹⁴⁶.

1. *Коммерческая* (если старая вещь, как правило, уже потеряла свою утилитарную ценность и больше не используется по назначению, ее коммерческая ценность будет зависеть от материала, из которого она изготовлена, от качества ее исполнения и от рыночных взаимосвязей спроса и сбыта). Чаще всего культурные памятники в привычном для нас смысле не являются коммерчески ценными, потому что их просто невозможно правильно оценить (например, произведения искусства, хранимые в музеях). Публичная власть имеет право изъять их из сферы коммерческих отношений. Сбыт можно связывать с тем, что количество выставляемых на продажу старых вещей имеет склонность уменьшаться. А спрос можно связывать с другими двумя ценностями – *научной и коммуникативной*.

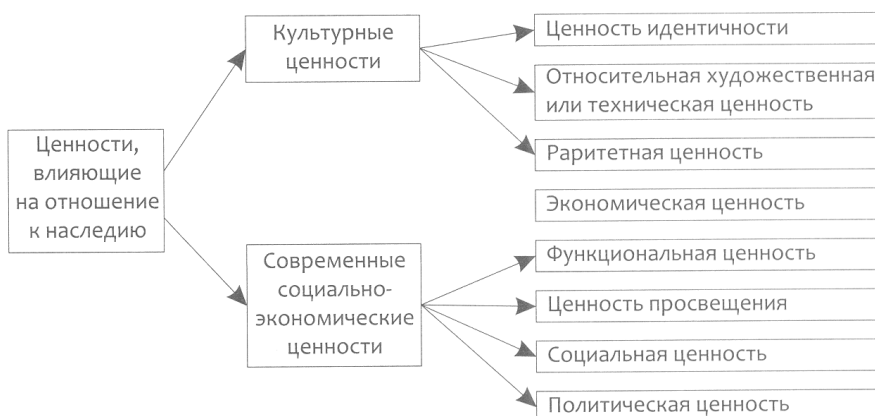
2. Вещь, предназначенная для создания наследия, становится объектом исследования потому, что уже существует или вдруг обнаруживается научный интерес к такого рода предметам. Иногда ценность вещи выявляется лишь тогда, когда она становится частью коллекции. Научная ценность превращает объект в документ прошлого, к которому уже невозможно проявлять только коммерческий или эстетический интерес.

3. При наличии *коммуникативной* ценности объект прежде всего понимается как знак. Этот знак присваивает себе какая-нибудь группа общества, которая при помощи его определяет свое самосознание.

Таким образом, эта вещь превращается в инструмент социальной коммуникации, например *эстетической коммуникации*, когда художественная продукция становится подвластной конкретным конвенционным критериям (в случае «народного стиля»), *политической коммуникации* (когда началась популяризация индустриального наследия, этим хотели показать, что охрана культурного наследия не ограничивается лишь замками и церквями, что существуют не только памятники власти, но и труда); наконец, *социальной коммуникации*, когда приобретение культурных ценностей означает стремление принадлежать к конкретному слою общества. Кстати, один и тот же объект может охватывать несколько вышеупомянутых ценностей.

Со времен А. Ригля до политики, декларируемой в международных документах охраны наследия, ценности были категоризированы как эстетическая, религиозная, политическая, экономическая. Одну из наиболее широких схем ценностей предложили Ю. Йокилехто и Б.М. Фейлден:

Спектр ценностей культурного наследия¹⁴⁷

¹⁴⁶ Jean-Michel Leniaud, *L'utopie française...*, p.5-7.

¹⁴⁷ Bernard M. Feilden, Jukka Jokilehto, *Management Guidelines for World Cultural Heritage Sites*. ICCROM, 1993.

С. Муньос Виньяс также выделяет значения высокой культуры, групповой идентификации, идеологическое и сентиментальное¹⁴⁸, которые по сути близки классификации ценностей Фейлдена и Йокилехто. Таким образом, целью идентификации ценностей является поиск самого правильного пути для принятия конкретных решений, которые должны помочь сохранить аутентичность и культурное значение физических объектов и местностей.

Единой типологии ценностей нет и не может быть: каждый человек, специалист, государство или занимающаяся деятельностью по охране наследия общественная или международная организация имеют и применяют свою классификацию в зависимости от того, что они считают наследием. Это происходит потому, что, оценивая культурное наследие, мы сталкиваемся с его многоперспективностью: каждый объект имеет несколько, часто конфликтующих между собой, ценностей, кроме того, придаваемые объектам ценности постоянно меняются в зависимости от социокультурного контекста, поэтому невозможно их объективно измерить и определить.

Отмечая тонкое различие между оценкой (англ. *valuing*) и приданием показателя ценности (*valorizing*), можно выделить интервенционный и интерпретационный характер создания наследия объекта, т.е. сам процесс идентификации обычно придает объекту новое значение и ценность. Так что сохранение отнюдь не является только техническим процессом, проходящим «после объявления объекта ценностью».

Даже конкретное техническое решение – как очистить объект, как усилить структуру, какие материалы использовать при сохранении – влияет на то, как он будет воспринят, охраняем, используем и интерпретируем. Поэтому, несмотря на провозглашенные в международном праве по охране наследия принципы минимальной интервенции, обратимости и сохранения аутентичности, решение по поводу любого вмешательства в объект наследия дает приоритет какому-нибудь конкретному набору ценностей за счет других, и это влияет на впечатления и опыт посетителей объекта¹⁴⁹.

Несмотря на то что охрана наследия официально основывается на ценностях, на самом деле все еще не хватает знаний о том, как в действительности общество осознает эти процессы и, особенно, как оно воспринимает культурную значимость наследия и как меняется в разных случаях вмешательства. Программы исследований наследия чаще всего также ориентируются на аспект физического состояния объекта и редко анализируют такие проблемы: как оценить комплексные значения и ценности? Что может помочь в процессе оценки? Как договориться о практическом решении, которое должно за этим следовать?

Многие теоретики признают, что сам процесс отбора, оценки и охраны объектов наследия не является самоцелью. Тогда чему, решению каких задач должны служить сохраненные реликты прошлого? Здесь мы опять затрагиваем проблемы взаимосвязей культурного наследия и коллективной идентичности.

¹⁴⁸ Salvador Muñoz-Viñas, *Contemporary Theory of Conservation*. Oxford, Elsevier, 2005, p. 51.

¹⁴⁹ Erica Avrami, Randall Mason, Marta de la Torre, Report on Research, *Values and Heritage Conservation. Research Report*, The Getty Conservation Institute, 2000, p. 3-12.